

Содержание

Пролог. Ленни	5
Глава 1. Джонас	10
Глава 2. Ленни	18
Глава 3. Джонас	29
Глава 4. Ленни	38
Глава 5. Джонас	47
Глава 6. Ленни	56
Глава 7. Джонас	69
Глава 8. Ленни	79
Глава 9. Джонас	86
Глава 10. Ленни	93
Глава 11. Джонас	100
Глава 12. Ленни	110
Глава 13. Джонас	118
Глава 14. Ленни	129
Глава 15. Джонас	138
Глава 16. Ленни	146
Глава 17. Джонас	154
Глава 18. Ленни	163
Глава 19. Ленни	172

Глава 20. Джонас	183
Глава 21. Ленни	193
Глава 22. Джонас	200
Глава 23. Ленни	209
Глава 24. Джонас	221
Глава 25. Ленни	229
Глава 26. Джонас	237
Глава 27. Ленни	244
Глава 28. Джонас	252
Глава 29. Ленни	261
Глава 30. Джонас	271
Глава 31. Ленни	278
Глава 32. Джонас	285
Глава 33. Ленни	295
Глава 34. Джонас	305
Глава 35. Джонас	314
Глава 36. Ленни	329
Глава 37. Джонас	340
Глава 38. Джонас	351
Глава 39. Ленни	364
Глава 40. Джонас	382
Глава 41. Ленни	388
Глава 42. Ленни	397
Эпилог. Джонас	410

Пролог

Ленни

Двенадцать лет назад

Мама готовила лучшую лазанью на всем острове Аплана.

Возможно, даже лучшую в мире.

Она была достойна Голубой ленты¹, чему ежегодно находилось подтверждение на местной фермерской ярмарке — мама неизменно побеждала в финале кулинарного конкурса.

Люди были готовы приезжать с материка, чтобы просто ее отведать.

Так часто говорил папуля.

Хотя у него есть привычка преувеличивать. По крайней мере, таково мнение моих старших братьев Кэша — уменьшительное от Кассиус — и Палмера.

---

¹ Автор говорит о ярмарках в западных странах, на которых местные жители участвуют в конкурсах на лучшее блюдо, лучший урожай, лучший домашний скот и т. п., где за первое место награждают голубой лентой. (Прим. редактора.)

Мне кажется, они не любят папулю по-настоящему, из-за чего выдумывают всякую ерунду, чтобы привлечь меня на свою сторону.

Кэш не раз говорил, что, появившись у него выбор, со связанными за спиной руками бороться с аллигатором или спасать тонущего в океане отца, он бы без колебаний выбрал бой с рептилией.

Я бы лучше сама умерла, но не позволила никому из родителей утонуть.

Палмер говорит, что это моя проблема.

«Братья и сестры должны держаться вместе», — постоянно твердят близнецы. Хотя легко оставляют меня дома, а сами каждую пятницу на пароме отправляются на один из соседних островов и остаются там до восхода солнца.

С тех пор как меня забрали из школы и мы с семьей переехали из Саванны на Аплану, кроме родных я вижу ежедневно лишь персонал особняка Примроуз. Частные преподаватели, домработницы, повара и садовники — только им разрешено находиться на территории нашего дома.

Так почему бы мне не встать на сторону родителей, с которыми я провожу большую часть времени? Кэш и Палмер неразлучны, будто приклеены друг к другу, а мама говорит, что своего близнеца я убила в утробе, таким образом намного ближе мне стали родители.

В желудке сразу начинает урчать, когда я разглядываю пальцы в пятнах от соуса маринара и сыра рикотта.

Ну что ж, у меня есть еще один вариант.

Еда.

Но я не могу делать *это* каждый день — стоять у острова в кухне и запихивать в рот остывший ужин. По крайней мере, не в присутствии людей.

По этой причине в полночь я не сплю, а крадусь, стараясь не быть замеченной в темноте.

Пока все в доме спят, я пробираюсь вниз, чтобы поесть, и пачкаю соусом яркое желтое платье, которое мама заставляет меня надеть на пасхальную службу в воскресенье.

Но, думаю, я способна на поступки и похуже.

Палмер говорит, что ни к чему хорошему это не приведет, но набивать живот едой кажется не таким ужасным поступком в сравнении с тем, что я слышала в ток-шоу по телевизору.

Однако по какой-то причине меня не покидает чувство, что я поступаю плохо.

Рука, зажимающая кусок лазаньи, приближается к рту, тонкий лист пасты выскальзывает из нее и повисает между моими большим и указательным пальцами, глухой стук в дальней части дома заставляет насторожиться и замереть.

Поднимаю глаза, взгляд падает на отражение в висящем на стене зеркале, лицо перепачкано в соусе. На меня потоком обрушивается жаркое, липкое чувство.

Отвращения.

Стою, не двигаясь, готовая к вторжению нарушителя тишины.

Смотрю, как мягкий свет струится в арочный проход в кухню, и сердце колотится так, что отдается в ребрах.

Вот черт.

Звуки голосов разносятся эхом и отражаются от потолка нашего поистине огромного дома.

И они приближаются.

Черт. Черт.

Похоже, у меня серьезные проблемы.

Если кто-нибудь увидит, что я испортила мамино блюдо накануне ярмарки, меня накажут на месяц точно. По меньшей мере.

Привилегий у меня и без того немного, не хотелось бы потерять даже эти.

Оглядываю блюдо, полуприкрытое пластиковой крышкой, хватаю его и приседаю, прячась за островом. Я с трудом удерживаю равновесие из-за тяжелой лазаньи, но крепче прижимаю ее к груди и заставляю себя сглотнуть, несмотря на сухость в горле.

Пытаюсь пригнуться еще больше, чтобы стать меньше и незаметнее, в спину мне врежется ручка белой дверцы кухонного шкафа. Воздух изо рта вырывается сильными, прерывистыми струями, они касаются пластиковой крышки, заставляют ее хлопать, я чувствую ее движения пальцами.

Предательское урчание доносится из живота в ту самую секунду, когда раздается стук шагов по кафельному полу.

Обхватываю пальцами стеклянное блюдо еще сильнее, закусываю нижнюю губу, изо всех сил стараясь дышать ровно.

На лбу появляются капельки пота, одна стекает на самый кончик носа. Я пытаюсь разглядеть ее, скосившись, и на секунду даже забываю о грозящей опасности.

Картинка перед глазами меркнет, будто затянутая туманом, капля пота катится дальше и падает на пластиковую крышку.

Я же совсем перестаю дышать.

В кухне разносятся звуки приглушенного стога, я смещаюсь в сторону и высовываюсь из-за тумбы, чтобы понять, кто его издает. Вижу перед собой мыски любимых домашних лоферов папы и выдыхаю с облегчением.

Он едва ли станет меня наказывать.

На губах появляется легкая улыбка, когда я прихожу к решению обнаружить себя и сгладить гнев папы щечным выражением глаз.

Поднимаюсь, оставив форму с лазаньей на полу, обхожу остров, но вижу папу уже лежащим с раной в голове у линии роста седых волос. На кафельный пол стекает струйка крови.

Глава 1

Джонас

На ваш счет зачислены средства.

Закрываю уведомление, отправляю «большой палец» Алистеру и убираю телефон в карман. Теперь я больше вдохновлен на продолжение вечера, за который он заплатил.

Некоторые из политических оппонентов брата больше других готовы к борьбе, а городской глава, которого он поручил мне, как оказалось, не желает умирать так скоро, как я рассчитывал.

Впрочем, это неважно.

Крики объектов уже давно меня не волнуют.

Мой дом расположен на заросшем травой участке северного мыса острова Аплана, на каменистом обрыве, от которого рукой подать до островов Бостон-Харбор, постоянное население которых за последние годы выросло с пары сотен до нескольких тысяч.

В прошлом мы считались провинцией, интересной лишь туристам и богатым семьям, предпочитавшим скры-

вать незаконную деятельность и доходы от экспорта мяты и крабов, никто из них не был заинтересован в развитии инфраструктуры и увеличении числа жителей.

По сути, Аплана являет собой автономную и более бедную версию Хэмптона. С высоким уровнем преступности, собственным крошечным аэропортом и обширной территорией, испещренной сеткой дорог.

Мой дом расположен далеко от мест и магазинов, привлекающих приезжих. От соседей меня отделяют мили, можно шуметь, кричать и нарушать порядок — это никому не мешает.

Надо сказать, обычно я этого не делаю, не нарушаю тишину и общественный порядок. Правильные поступки — это чистая совесть, а я не из тех людей, кто готов даже к крошечному чувству вины.

Время испытать вину придет, когда настанет Судный день. И не минутой раньше.

Завинчиваю кран, разворачиваюсь и вытираю руки полотенцем для посуды. Глаза Кевина обращены ко мне, их не скрывает лента скотча, которым я обмотал его голову, оставив лишь крохотную щель у рта.

— Жаль, что все заканчивается именно так, — говорю я, лишая его надежды покинуть этот мир с достоинством.

Медленно подхожу к стулу, к которому он привязан, и замечаю капли пота на лбу почти у самых волос. Пламя в камине за его спиной нагревает комнату, делает открытый участок кожи шеи пурпурным и бугристым.

Присев, снимаю с крюка на стене чугунную кочергу и погружаю ее витой конец в огонь. Несколько мгновений, и металл становится оранжевым. Кевин начинает глухо вскрикивать, и это вызывает возбуждение, оно все

отчетливее пульсирует в венах. Поднимаюсь, достаю чугунную кочергу и подношу к самому его лицу. Касаюсь щеки и слышу визг, похожий на пороссячий. Он откидывается назад, рискуя перевернуться вместе со стулом.

— Тебе есть что сказать в свое оправдание? — спрашиваю я, понимая, что он едва ли ответит. — Признаться, я понятия не имею, почему Алистер хочет, чтобы я занялся тобой. Он давно не просил меня кого-то устранить, должно быть, планирует нечто *важное*.

Кевин скулит, уверен, он бы уже рыдал, если бы не скотч.

Заведя ногу за одну из ножек стула, наклоняюсь и сжимаю свободной рукой плечо Кевина. Раскаленный чугун рисует яркие полосы в воздухе между нами, когда я машу им перед его застывшим лицом и цокаю, видя ужас в глазах мужчины.

— Ну же, дружище, дай мне хоть что-нибудь. — Внимание привлекает золотой крест на его шее. — Ты католик, да? Веришь, что исповедь дает отпущение грехов и в прочую подобную чушь? Что ж, вот и твой шанс. Расскажи мне обо всем содеянном, и тогда, возможно, бог помилует твою душу.

На этот раз он даже не пытается что-то произнести. Я вздыхаю и вожу кочергой вдоль его щеки, наслаждаясь ужасом, не потухающим в глазах.

Ручка ее имеет форму буквы «В», украшенной замысловато сплетенными лианами и розами. Это семейная ценность, перешедшая от моего деда к отцу, а затем ко мне, подозреваю, я первый, кто использовал ее подобным образом.

Опять же, возможно, причиной гибели отца стало именно отсутствие креативного подхода к делу. Ему бы